

История науки

© 2012 г. В.П. ЧИЧАГОВ

**100-ЛЕТИЕ ВЕРЫ ВАСИЛЬЕВНЫ НИКОЛЬСКОЙ –
ЯРКОГО ГЕОМОРФОЛОГА И ФИЗИКО-ГЕОГРАФА ИНСТИТУТА
ГЕОГРАФИИ АН СССР (1912–1980)**

Смотрю на уникальный снимок 1956 г. физико-географического отряда Амурской комплексной советско-китайской экспедиции АН СССР и АН КНР. Он сделан на палубе катера Краснознаменной Амурской флотилии ГПБ-1 (гидропромерный бот) во время одной из стоянок у китайского берега Сунгари. За катером возвышается китайский пассажирский пароход с большими гребными колесами на корме... Время не сохранило в памяти имена всех товарищей по отряду. В центре первого ряда стоит профессор Чанчуньского Педагогического университета Дин Си-чжи, справа и чуть сзади начальник отряда Вера Васильевна Никольская (фото).

С чувством сердечной благодарности я вспоминаю ее – своего единственного институтского учителя, научившего меня собирать полевой материал, обрабатывать и публиковать его, привлечшего мое внимание к созданию научно-популярных работ, направлявшего меня ориентироваться в сложном, меняющемся лабиринте академи-

В первом ряду: второй слева мичман П.В. Шебарчин – командир катера; четвертый – проф. Дин Си-Чжи, получивший образование в США и КНР; крайний справа – автор. *Во втором ряду:* второй слева к.г.н. Сун – ученик профессора Дин Си-Чжи (в настоящее время академик АН КНР); рядом Эдик Попов – студент МГИМО, переводчик. Начальник отряда к.г.н. В.В. Никольская стоит справа

ческой геоморфологии и заботившегося обо мне после окончания МГУ. В год ее столетия я восстановил в памяти наши совместные маршруты, содержание совместных докладов, тезисов, статей и монографий, вспоминал радость нашего общения. И, главное, ощутил потребность поделиться воспоминаниями о ней с коллегами, друзьями-геоморфологами.

В институте географии АН СССР с Верой Васильевной мне посчастливилось работать в 1955–1967 гг. О ней посмертно написано много статей и заметок, особенно обстоятельно на Дальнем Востоке, подготовлена к изданию монография. Основные биографические данные содержатся в юбилейном труде “Институт географии и его люди”, изданном в Москве в 2008 г. Поэтому сведения о датах и событиях ее жизни здесь почти не приводятся. Да и повествование будет не об ушедшем, а о живом человеке. О молодой, полной планов новых путешествий и научных работ Вере Васильевне...

На склоне лет я вспоминаю о том, что в 50-е годы прошлого века героиня моего рассказа казалась очень взрослой, солидного возраста. А ведь ей тогда было всего 40 с небольшим лет!

Теперь, восстанавливая в памяти облик ВВ – так ее называли друзья (в глаза – Верочка Васильевна), могу представить ее в юные и молодые годы. Высокая, стройная красавица с благородной осанкой, аристократичным удлинненным лицом, карими, как вишни, глазами, узким носом с горбинкой, с черными, как смоль, гладко зачесанными волосами. В ее предках текла чешская кровь. Девушкой она была похожа на Анну Ахматову с рисунков Модильяни. В ней было что-то и от античных богинь. Допускаю, что романтические юноши воспринимали молодую незнакомку, как А. Блок. Она могла сойтись и исчезнуть, “дыша духами и туманами”...

Лейтмотивом моего рассказа является тема героизма и мужества этой удивительной женщины. Сильной и несчастной. Окончание Ленинградского университета – работа в “Главзолото” в труднейших экспедиционных условиях в долине р. Аллах-Юня, притока Алдана – поступление на работу в Институт географии – замужество – Великая Отечественная война – голодные годы – потеря погибшего в боях мужа-артиллериста – потеря ребенка – работа в ИГАН СССР по составлению карт проходимости на театры будущих военных действий под руководством И.П. Герасимова (она неоднократно вспоминала с благодарностью, что в голодные военные годы он спас ее от страшной болезни – туберкулеза) – защита кандидатской диссертации – начало работы на Дальнем Востоке, который стал ее любовью, любимым регионом исследований. Так сложилась ее жизнь к моменту нашего знакомства. ВВ была страстной натурой и уж если что-нибудь или кого-нибудь любила, то по-настоящему.

В 1955 г. меня с ней познакомил мой друг, однокашник по Геофаку МГУ Егор Щербаков, который проходил у нее в отряде преддипломную практику в Приамурье и с которым она совершила героический поход из долины Зеи в хр. Тукурингра-Джагды, открыв следы древнего оледенения в массивах Бол. и Мал. Бекельдеуль. Академик В.А. Обручев благословил их статью в “Доклады АН СССР”. ВВ в те годы энергично сотрудничала с СОПСом АН СССР и руководила кандидатскими диссертациями работавших там Д.П. Григорьева и Л.Ф. Насулич. По ее инициативе составлялась геоморфологическая карта Амуро-Зейского междуречья и она взяла меня на временную работу по этой теме. Именно тогда я – студент-дипломник Геофака МГУ – вступил в овеванный легендами, прославленный Институт географии АН СССР и начал знакомиться с его обитателями.

На следующий год, после окончания Геофака МГУ 1 июля 1956 г. я был зачислен в отдел физической географии ИГАН, руководимый проф. Г.Д. Рихтером, и в начале августа с Верой Васильевной, Димой Тимофеевым, Н.М. Казаковой, Сашей Орловым – студентом МГУ – и китайскими коллегами оказался в Китае, на берегах огромного оз. Далай-Нор. С 1956 по 1960 год мы работали в составе Амурской комплексной советско-

китайской экспедиции АН СССР и АН КНР, главным образом, вдоль долин крупных рек бассейна Амура. Главной проблемой экспедиции была разработка проекта создания каскада крупных ГЭС и схемы комплексного использования природных ресурсов Приамурья. В основном мы составляли и анализировали многочисленные поперечные профили (створы) через долины рек, проводили геоморфологическое и физико-географическое районирование. Изученные нами створы (более 80) были использованы СОПСом, схемы районирования частично опубликованы в статьях и включены В.В. Никольской в ее докторскую диссертацию и изданную на ее основе монографию. Работая в составе физико-географического отряда экспедиции под начальством ВВ и профессора Мукденского университета Дин Си-чжи, мы совершили много пеших и конных путешествий по интереснейшим маршрутам большой протяженности: неоднократно прошли весь Амур и р. Сунгари до городов Цзямусы, Харбина, Аргунь и Шилку, изучили небольшие речки Большого Хингана – все это преимущественно на катере Краснознаменной Амурской флотилии ГПБ-1 с мичманом П.В. Шебарчиным и его славной командой. В сложных полевых походах ВВ порой показывала чудеса храбрости, которые ей давались нелегко. Дело в том, что она была высокой, горбящейся, как это бывает у высоких людей, довольно нескладной. Но тогда мы не знали ее главного физического недостатка! В городе, в институте ходила она медленно, осторожно и с опаской преодолевая лестницы. В поле это был другой человек. Она ни в чем не уступала нам – тогда молодым людям, не отставала от нас в маршрутах, была инициатором многих сложных и подчас рискованных путешествий. Вот несколько примеров. Судите сами.

1955 г. – она проделала многодневный пеший длительный и опасный штурм упоминавшихся Бекельдеулей по зейской непролазной тайге, через болота, вдоль каменистых порожистых рек. Вдвоем, с минимумом продуктов. Если что – не вытащить.

1956 г. – холодное, октябрьское путешествие по северу Большого Хингана на экспедиционной машине по непростым таежным дорогам в верховья р. Нонни до последнего населенного пункта, а дальше на конях в многодневный маршрут к истокам этой реки, в область древних жителей – манегров. Несмотря на китайскую охрану из одного юного солдата с винтовкой и начальника милиции г. Хэйхэ с громадным маузером в деревянной кобуре, в те годы сохранялась опасность нападения хунхуз¹ – известных с русско-японской войны разбойников и злодеев. О них нас предупреждали китайские власти. С упорством, достойным подражания, высокая ВВ тряслась в седле на низкорослой лошадке по таежным тропам Хингана, преодолевая броды горных рек, россыпи и курумы, ночуя в палатке на покрытой инеем и опавшей лиственной земле. Ей позарез нужно было дойти до истоков Нонни (приток Сунгари), чтобы выяснить, не было ли там древней долины Амура, т.е. не соединялся ли Амур с Сунгари в прошлом через долину этой реки. Отбив и стерев все, что возможно, невероятно устав, ВВ явно через силу проделала этот тяжелый конный маршрут. Но, приняв муки, радовалась успеху. Она была большим оптимистом!

1957 год. Мы хорошо поработали в долине Амура, собрали богатый новый интересный материал; с погодой нам везло, катер действовал бесперебойно, настроение у всех было праздничным.

Вера Васильевна была очень терпеливым человеком. Она без слов, мужественно переносила наводнения и муссонные ливни на Амуре; однажды три дня отряд сидел в экспедиционном грузовике во время страшного дождя в степях Юго-Восточного Забайкалья...

И вот однажды ВВ мне ласково говорит: – “Валечка-Валерочка, собирайте большую резиновую лодку, возьмите ружье, спиннинг и самое необходимое, о продуктах я позабочусь сама. Делаем водный маршрут по Амгуни, катер спустится по Амуру и будет нас встречать в пос. Маго, на Нижнем Амуре, в устье Амгуни”.

¹ Хунхузы – маньчжурский вариант кровожадных турецких башибузуков времен русско-турецкой войны 1877–78 гг.

Я был не новичок в сплавах на плотках и резиновых лодках; в юности выступал в соревнованиях по гребле и, казалось, умел обращаться с лодками, любил водные маршруты и неоднократно сплавлялся по рекам Восточного Саяна. Согласился сразу и с радостью. Забросились на Амгунь через Ургал в пос. Могды, переночевали у молодых учительниц, помылись в бане. Утром я накачал лодку, погрузил вещи и с трудом усадил ВВ. Лодка-пятисотка сильно загружена, сидеть и грести неудобно. ВВ мне представлялась опытным дальневосточником, прошедшим все воды, огни и трубы этого славного региона. Я был уверен, что она знакома и с долиной Амгуни. Прежде, чем отвязать фал от корня прибрежного деревца, я поинтересовался, когда ВВ путешествовала по этой трудно проходимой реке. В ответ услышал: “Впервые”. Так. Значит идем по неизвестной реке “с листа”. Посмотрели стотысячные планшеты. Река, как река. В верховьях поуже и попрямее, значит быстрее. В среднем течении несколько протоков, в нижнем – много излучин, спокойное течение. Главное, на карты не было нанесено... Сомненья прочь! С Богом! С первых минут мне стало ясно, что Амгунь – река, мягко выражаясь, с вспыльчивым характером и наш маршрут не будет простым. Сначала течение было очень быстрым, и я с трудом держался форватера, лодка резво прыгала на перекатах. Главная опасность – большие деревья, полого лежащие у правого берега и раскачивающие своими кронами. Сначала мы шли, тем не менее, спокойно, удачно решая первые “тренировочные” задачи, на которые не скупилась Амгунь. На четвертый день нам было необходимо подойти к береговому обрыву и описать обнажение неогеновых отложений. Течение под подмываемым берегом было сильным и я с большим трудом, с третьей попытки подвел лодку под обнажение. Вода ревела, и удерживать лодку в одном положении было почти невозможно. ВВ не могла встать на бившийся в волнах борт лодки, а я не мог ей доверить лодку. Это было мучением для нее и для меня. Наконец, ей с большим трудом удалось описать обнажение, а мне взять пробы. Снова в путь.

Солнце пригревало, река сделалась пошире, поспокойнее и я потерял бдительность. Неожиданно свернули с главного русла и попали в узкую протоку, перегороженную поваленными крупными лесинами. Стоп! Нужно было возвращаться. Лодка была тяжело загружена и мне с ВВ на борту было не выгрести против течения. Пришлось ей переходить узкий 30-метровый завал, продираясь через сучья поваленных стволов, качавшихся над водой. В долинах дальневосточных рек это не редкость и мы неоднократно переходили завалы в маршрутах. ВВ, не задумываясь, ступила на завал. После ее первых шагов я с ужасом обнаружил – она не может держать равновесие, не владеет им! Мне стало страшно. Но каково было ей?! Помочь я не мог – завал не выдерживал двоих! И вот тут я увидел, на что была способна ВВ. По сантиметру, медленно, шаг за шагом она, сохраняя внешнее спокойствие, переходила завал. Казалось, прошла вечность.

Дальше стало “лучше”. Мы шли по гладкой, слегка выпуклой поверхности мощной и быстрой реки. С берегов свисали острые пики поваленных рекой деревьев, и я держал лодку на расстоянии от них. И вдруг одно из них оказалось значительно длиннее. Мы на полном ходу, распластавшись в лодке, прошмыгнули под ним.

И снова убаюкивающее солнце, тепло и безмятежно. Вышли в большой плес, остановились перекусить, отдохнули. На широкой спокойной реке ничто не предвещало опасности. Берега низкие, интересующих нас обнажений нет. Солнце пекло, и мы стали коричневыми. Долго шли по этой медленно текущей водной равнине. По просьбе ВВ я несколько раз пересаживался на корму и уступал ей весла. И однажды задремал... Очнулся от возгласа ВВ. Перед нами в опасной близости был завал. Это был не простой завал, а завал завалов! Он перегораживал основное русло реки. Вода неудержимо уходила под него, засасывая и поглощая в эту водяную черную дыру все, что было на плаву. Воды вздыбилась перед ним, казалось, неподвижным пологим горбом. Многие стволы слагавших завал деревьев были расщеплены вдоль, превратились в длинные, острые пики-щепы, которые угрожающе раскачивались над поверхностью

воды, навстречу резиновой лодчонке, как бы маня и завлекая к себе. Прикосновение к одному из них... Не хочу писать “ужастик”! Путь был один: немедленно свернуть в узкую протоку под левым берегом. Далековато, но только там спасение. Не помню, как мне удалось пересадить, скорее перекинуть ВВ на корму и сесть за весла. Налегал на них, что было сил, но расстояние до пик не сокращалось. К нашему счастью, метр за метром лодка все же начала соскальзывать с рокового водяного бугра, но отбиваться от завала приходилось на пределе возможного. И вот, когда мы уже начали уходить от него, и появилась уверенность в том, что опасность миновала, правая резиновая уключина лопнула, лодку крутануло и бросило под завал! ВВ сидела, как каменная; ни один мускул не дрогнул на ее лице. Вырвав второе весло из уключины, я с большим трудом отбилась от завала, пройдя буквально в метре от качавшейся грозной, острой опасности. Дальше было поспокойнее. Правда, однажды ночью к нам приходил медведь-пестун, а на другой день в нас стрелял (издалека!) какой-то бдительный охотник из смежной протоки. Но главная опасность была позади. По широкой полноводной Нижней Амгуни мы пришли сначала в Керби – пос. им. Полины Осипенко, а затем в Маго, где нас радостно встречали друзья. В этом маршруте ВВ показала себя настоящим героем...

По материалам амгуньского маршрута мы с ВВ опубликовали в бюллетене МОИП скромную, набранную петитом статью. Трудно поверить, какова была ее цена...

В том же году мы на нашем катере по настоянию ВВ вышли из Амура в Татарский пролив. Вообще, ее влекло все дальше на восток, на Сахалин и Курилы. И она позже осуществила свои мечты, сменив Москву на Южно-Сахалинск и Владивосток. ВВ постоянно находилась в рубке. Внезапно заштормило. Глубины в устье Амура небольшие.

Развело крутую, сбитую волну и наш речной катер стало здорово качать, класть с борта на борт. Китайский профессор Дин Си-чжи вышел из носового кубрика и у лееров его чуть не смыло волной, я с трудом удержал его за толстый махровый халат. Капитана катера П.В. Шебарчина в этом маршруте не было. Капитаном был не слишком опытный и приятный речник. Его укачало и ВВ некоторое время стояла у штурвала... Мы несколько раз были на грани катастрофы: катер, шедший в Николаевск за нами, затонул, так и не пришел в порт...

В период работы на Сахалине ВВ в одиночку неоднократно путешествовала по Курилам. Мне рассказывали очевидцы, как однажды в большую волну ее перегружали с борта теплохода на баркас в грузовой сетке. Принимавшее суденышко прыгало у борта корабля, проваливаясь и поднимаясь на 4–5 м... И ничего. Не разбилась. И снова радовалась новому путешествию.

Вообще вся ее жизнь была героической. Она жила на Кропоткинской в коммунальной квартире, в узкой длинной комнате, которую называла “щелью”. Воспитывала приемного сына Готьку – Георгия Трубецкого. С ним я был знаком по пионерскому лагерю в Красновидово с 1945 г. ВВ была гостеприимным, хлебосольным, чутким и внимательным человеком, помогала всем, кому могла. Когда у нас появился в 1957 г. сын, мы снимали дом в Загорянке. Она с Готькой навещала нас, привозя много подарков.

Вера Васильевна тянулась к людям и создавала милые традиции. В “щели” мы регулярно 31 декабря в 17 часов праздновали дальневосточный Новый Год на семь часов раньше московского, и в честь ее погибшего супруга-артиллериста – в конце зимы – День артиллерии и ракетных войск.

Она была глубоко верующим человеком, но не афишировала это, очень любила музыку и была завсегдаем Московской консерватории. В “щели”, напротив ее кровати висела старинная изящная деревянная полочка с тремя томиками стихов Н. Гумилева, А. Ахматовой и А. Блока. ВВ любили люди и она любила людей, принимала участие в судьбах всех нуждавшихся в ее поддержке. Ценила юмор.

Начало рабочего дня в Институте. ВВ встает и в 9.55 решительно направляется из 17-й в 9-ю комнату на заседание отдела геоморфологии. Мы с Тимофеевым пристраи-

ваемся за ней и тоже с отрешенным выражением лица идем за ней нога в ногу. Коридор полон сотрудников, все понимают ситуацию, радуются, но никто не смеется...

Однажды в Хабаровске, где мы осенью обычно работали в геологических фондах ДВГУ (Дальневосточное Геологическое управление Мингео СССР), в троллейбусе незнакомый молодой человек попросил ее дать ему билетик. Она недоуменно посмотрела на него. Мы заготовили на весь салон. Дело в том, что она всегда носила полевую сумку через плечо, из которой торчала ручка острого почвенного ножа. Он принял ее за кондуктора...

У нас были с ней ясные, откровенные отношения. Мы в любой ситуации о ней отзывались хорошо. А.Г. Доскач иногда спрашивала, почему Благоволин и Лилиенберг часто критикуют своего начальника Н.В. Думитрашко, а мы с Тимофеевым нет? Просто мы к ней хорошо относились, и она своим отношением к науке и к нам заслуживала это...

Она не была выдающимся ученым, но отличалась удивительным упорством, упорством и беззаветной преданностью к науке, к людям науки. За время работы в институте В.В. Никольская защитила докторскую диссертацию, опубликовала несколько десятков статей и одну монографию “Морфоскульптура бассейна Амура” (1962).

На защите ее докторской на Географическом факультете МГУ произошел смешной случай. Заслушивались отзывы на работу. Председатель проф. С.С. Воскресенский вынул из пачки отзывов телеграмму и громко объявил: “Отзыв Чичагова с Эльбурса”. Все засмеялись. В то время я был на Кавказе и отправил телеграмму из почтового отделения Тегенекли, который недавно стал называться Эльбрусом. В телеграмме так и было написано – “пункт отправления: Эльбрус”. Так что С.С. Воскресенский сказал правду.

Во Владивостоке ВВ издала несколько учебников и множество научных статей. Большинство работ было написано ею одной, иногда вместе с коллегами, а издано всегда в соавторстве. Большим достоинством ее был педагогический дар. Она воспитала целую когорту дальневосточных ученых.

Она прожила полную опасностей и походов светлую жизнь. Ее самопожертвование в сочетании с героизмом достойно поклонения и может служить примером для всех, особенно молодых поколений! Ее жизненный путь был в работе: путешествиях и составлении публикаций, в последние годы жизни – в преподавании геоморфологии и физической географии. Она прожила славную жизнь честного, энергичного и увлеченного советского ученого-географа, начав с коллектора геологической партии и окончив профессором географии.

Возвращаясь к фотографии, помещенной вначале. Вера Васильевна скромно стоит среди руководимого ею отряда Амурской комплексной советско-китайской экспедиции АН СССР и АН КНР. Стоит не на первом плане, а за профессором Дин Си-Чжи и китайским специалистом небольшого роста. И всю свою жизнь она старалась остаться в тени, не стремясь оттеснить кого-нибудь и выйти вперед, выпуская на первый план своих коллег, помощников и учеников. Она всегда была в окружении людей, любила их, разделяла трудности и помогала. Она была святым человеком!